

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЭСТЕТИКА ПРЕКРАСНОГО И ВОЗВЫШЕННОГО В ГРУЗИНСКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ РОМАНТИЗМЕ (БАРАТАШВИЛИ, НОВАЛИС, БАЙРОН)

Ахалкаци Т.Н.¹, Сулава Н.В.²

Email: Akhalkatsi17139@scientifictext.ru

¹Ахалкаци Тамар Николаевна – докторант,
гуманитарный факультет,

Самцхе-Джавахетский государственный университет, г. Ахалцихе;

²Сулава Нестан Варламиевна – доктор филологических наук, профессор,
гуманитарный факультет,

Тбилисский государственный университет им. И. Джавахишвили, г. Тбилиси,
Грузия

Аннотация: в статье рассмотрены принципы эстетики прекрасного и возвышенного в грузинском и европейском романтизме на примере творчества Байрона, Бараташвили и Новалиса. В частности, нас интересует: как меняется теоретическое содержание прекрасного и возвышенного посредством трансцендентности автора, как они различаются друг от друга и как они объединяются в одно эстетическое пространство. В работе подчеркнут тот факт, что эстетические мировоззрения Байрона, Бараташвили и Новалиса совпадают, хотя отличаются пути постижения их.

Ключевые слова: Бараташвили, Новалис, Байрон, романтизм, эстетика, прекрасное, возвышенное, образы.

THE AESTHETICS OF BEAUTIFUL AND SUBLIME IN GEORGIAN AND EUROPEAN ROMANTICISM (BARATASHVILI, NOVALIS, BYRON)

Akhalkatsi T.N.¹, Sulava N.V.²

¹Akhalkatsi Tamar Nikolaevna - PhD Student,
FACULTY OF HUMANITIES,

SAMTSKHE-JAVAKHETI STATE UNIVERSITY, AKHALTSIKHE,

²Sulava Nestan Varlamievna – Scientific Supervisor, Doctor of philological Sciences, Professor,
FACULTY OF HUMANITIES,

TBILISI STATE UNIVERSITY I. JAVAKHISHVILI, TBILISI,
GEORGIA

Abstract: the article deals with esthetic principles of beautiful and sublime in Georgian and European Romanticism on the examples of Byron's, Baratashvili's and Novalis' works, namely how the theoretical content of beautiful and sublime change through the transcendence of the author, how they differ from each other and how they unite in one esthetic space. The work highlights the fact that Byron's, Baratashvili's and Novalis' aesthetic world view coincides with each other, though the ways of understanding is different.

Keywords: Baratashvili, Novalis, Byron, Romanticism, aesthetics, beautiful, sublime, symbol faces.

УДК 82(091)

DOI: 10.24411/2404-2338-2019-10604

Образное мышление значительное звено в литературе всех времен. Оно определяет идентичность произведения с точки зрения эпохи и/или национального контекста. Несмотря на то, что в литературе существуют общие эстетические догмы, литература любой эпохи и страны обладает индивидуальным восприятием эстетизма, т. е. существующие в литературе окаменевшие эстетические образы меняются по настроению автора, что, само собой зависит от словопроизводства. Созидание эстетического суждения опирается на ощущение, вызванное взаимоотношением свободы представления и закономерности суждений [1. С. 121].

Одним из значительных принципов образного мышления является эстетика прекрасного и возвышенного, в частности, изменение теоретического содержания прекрасного и возвышенного посредством трансцендентности автора, как они отличаются друг от друга и как объединяются в одно эстетическое пространство. Об отличии прекрасного и возвышенного Р. Сирадзе пишет: «Прекрасным является конкретный предмет. Возвышенное, прежде всего, что-то абстрактное, как, например, наши думы и представления. Говоря об абстрактности возвышенного. Мы имеем в виду, что существует нечто, но не как предмет, а как душа, мечта, например... Они существуют в наших думах, наших представлениях. Их красота-красота непредметная» [2. С. 16]. Однако в литературе все это не так просто. В древнегрузинской литературе, например, по сей день трудно разграничить прекрасное и возвышенное, поскольку трансцендентность автора создает основу говорить о возвышенности прекрасного. Эстетика прекрасного заслуживает внимания не только в искусстве. На ней возлагается значительная роль и в реальной жизни. На этот вопрос внимание уделяет Н.Д. Успенский: «Прекрасное и в жизни, и в искусстве служит высоким целям: помогает человеку лучше построить свою жизнь и жизнь других людей. Таким образом, прекрасное оказывается полезным для человека и человечества в самом непосредственном и в самом высоком смысле этого слова» [3.].

На пути развития мировой литературы одним из значительных периодом является эпоха романтизма, интересная с различных сторон и по сей день заслуживающая внимание исследователей литературы. Образность романтической литературы создает совершенно новую эстетическую концепцию. Одним из значительных вопросов романтической эстетики является вопрос взаимоотношений прекрасного и возвышенного. Данный вопрос мы рассматриваем на примере произведений Байрона, Новалиса и Бараташвили.

Двигателем творчества этих представителей романтизма являются мистичность (у Байрона сравнительно редко встречаем мистические постулаты), трансцендентность, желание постичь скрытые глубины и недостижимость данного желания. Для грузинского романтизма прекрасность души имеет такое же значение, какое в литературе средних веков имела возвышенность образа-иконы. Прекрасное это то, что существует наяву, т. е., можно видеть, прикасаться, а возвышенное переживается лишь внутренней верой. Романтизм фактически объединил эти два понятия. Небесный свет в представлении романтиков был прекрасным. Это прекрасное одновременно зримо и переживаемо душевно, т. е. одновременно прекрасное и возвышенное. В грузинской романтической литературе редко встретите факт идентифицированного осмысления прекрасного и возвышенного. Именно в этом и заключается эстетика романтизма, что существует вечная связь реального и небесного миров. Небесный свет, небесная роса и прекрасность сливаются с красотой реального мира и образуется земно-небесная гармония: «Впитывая капли утренней росы и слившиеся воедино лучезарные капли и лучи отраду жизни отдают» [4. С. 272].

И все-таки какова исходная точка, на которую опиралась эстетика прекрасного блестящего представителя романтизма Николоза Бараташвили? Поэт в своем творчестве развивает философию вечности. Именно в вечности и заключается прекрасность. Не возможно, чтобы преходящее вызывало в человеке чувство прекрасного и, тем более, возвышенного. Здесь же отметим и то, что постоянство прекрасности характерно не только для грузинского романтизма, Новалис в вечном бытии искал начало жизни и следует думать, что в романтизации всего он подразумевал присвоения преходящему вечности. По той же причине Новалис предсказывал свою смерть, чтобы придать жизни вечность и самому стать частью возвышенного. Романтизм именно в вечности видел возвышенность. Следует обратить внимание на тот факт, что у Байрона, Новалиса и Бараташвили не встречается понятие «возвышенное», хотя на основе теоретического материала подразумевается, что вечное обязательно прекрасно, а вечно существующая прекрасность-возвышенна. Рассматривая эстетику творчества Н. Бараташвили, Р. Сирадзе уделяет внимание на данный вопрос: «У Бараташвили возвышенное передано прекрасным, а прекрасность отмечена красотой. У Бараташвили красота и прекрасность, (т. е. возвышенность) явно разграничены между собою-красота преходящая и сердце проникнутое лишь ею изменчиво преходящее и непрочно» [5. С. 210]. Поэзия Бараташвили построена на поиске прекрасного, постоянный поиск поэта направлен не на материальное, а на абстрактное вечное. Бараташвили и Новалис априори стремились преодолеть преходящее и обрести вечный свет. В романтической поэзии значительное место принадлежит эстетике света, как символу начала бытия, апоген прекрасного и возвышенного. Свет само собой прекрасен, однако он должен быть вечным, бесконечным и таинственным. Рассматривая проблемы вечности, временности и перемещения в пространстве, мы обязательно сталкиваемся с временно-пространственными категориями.

Очередность времени и пространства Кант определяет так: «Время имеет лишь одно измерение, разные времена существуют не вместе, а последовательно друг за другом (это тогда когда различные пространства не следуют друг за другом, а существуют одновременно)» [6. С. 62]. Категориями времени является текучесть-не текучесть, являющаяся выражением внутреннего состояния. Вечность, т. е. преодоление времени и перемещение в бесконечность достигается передвижением в пространстве, т. е. смертью. По определению Канта время нечто иное как форма созерцания внутреннего чувства, т. е. самого себя и своего внутреннего состояния. Оно не принадлежит ни к форме ни состоянию и т. д. Наоборот, оно определяет зависимость представлений во в нашем внутреннем состоянии» [Там же. 63].

Изучение поэзии Бараташвили в контексте прекрасного и возвышенного с самого начала ставит один существеннейший вопрос: Что придает всякому преходящему, т. е. «красивому» божественную, вечную прекрасность? Это своеобразный поэтический способ, попытка «романтизации» мира (Новалис) поэтому не случайно, что после онтологического осознания-восприятия мира, созидатель переходит на поэтическое созерцание, он в прекрасном видит небесный свет «прекрасное - это свет небесный», а что является прекрасным, то безусловно вечно. Фактически исходной точкой познания эстетики Бараташвили является вышеприведенная строка. Всякое во что происходит олицетворение небесного света причастно с вечностью и воспринимается как возвышенное. Даже в суждениях о любви, Бараташвили не теряет главный ориентир и основным определяющим вечности считает прекрасность души (прекрасность, а не красоту).

В творчестве Бараташвили восприятие «возвышенного» возможно в таких явлениях, как бессмертие души, божественный, т. е. небесный свет, вечное существование, прекрасность и т. д. Все, что Бараташвили рассматривает в контексте эстетики овеяно небесным светом, однако этот свет является внутренним, проявлением личности. В поэзии Бараташвили свет в большинстве случаев явление трансцендентное, его небесное свечение придает прекрасность любому предмету, свет олицетворяется в каждом явлении и происходит его (света) овещствление. Например, «К моей звезде»:

В каком виде не представишься ты мне,
Все равно узнаю, прекрасное небесное сияние
Ты свет, души свет
Придающий радость печальному сердцу [4. С. 263].

К тому, как Бараташвили воспринимал эстетику света Р.Сирадзе дает такую интерпретацию: «Таинственная и не опознанная сила света проявилась в том, что он порождает прекрасность. Для гипертрофированного романтического мышления материальным актом можно было бы посчитать рассеивание даже обычного света на простые предметы. Этот факт можно было бы обобщить даже на космическом уровне и исходя из этого осмыслить традиционную проблему «прекрасные дела сотворения мира» (сказано Георгием Атонели). Из-за простоты своей свет можно было принять началом прекрасного, поскольку простота считалась признаком наличия первоначал. Единственное, что из небес достигает до нашего мира это свет. Только лишь свет может двигаться и существовать вечно. Это уже все охватывающее осмысление, но у Бараташвили чаще всего встречается проявившийся в красоте свет иногда так обобщенно, иногда как светило или луч» [5. С. 221]. Несмотря на такое осмысление эстетики света, анализ творчества Бараташвили не дает возможность считать свет проявлением красоты, ибо, как уже отметили, красота преходящая и оторвана от вечности. Поэтому «красивое» само собою не может быть возвышенным. Что касается света в понимании Бараташвили он божественный и, следовательно, возвышенный. В эстетике света выявляется эманация, не видимый свет объективируется в зримое и показывает личное «я» поэта, что так значимо и характерно для романтической литературы. В эстетике Бараташвили (т. е. в том, что воспринимается как возвышенное) нет временности, то что «романтизировано» поэтом оторвано от времени и пространства, все прекрасное превратил досягаемым умом и внутренне ощутимым.

Эстетика души и света не разделима у Бараташвили и Новалиса. Это обожествленный, внутренне проявленный свет, а не астральное свечение. Эстетика света, представление тьмы и света в различных планах их возвышенность более ясно проявляется в поэзии Новалиса. У него не встретите противопоставления красоты и прекрасности. Хотя прекрасное и возвышенное представлены в отличающихся контекстах. Значительнейшее произведение для романтической литературы «Гимны к ночи» Новалиса состоят из шести гимнов. В первой части поэт восхваляет возвышенность света, а во второй части он считает озаренной уже ночь. Конец дня, т. е. исчезновение преходящего света поэт считает

отрадой. Он теперь уже восхваляет ночь, которая лучше проявляет душу человека. В свете поэт подразумевает преходящую жизнь, а в ночи видит вечную жизнь, смерть для него «ночное солнце», божественная ночь осветит все, что не в силах дневному свету. В поэзии Бараташвили свет сформирован таким же контекстом. Это божественное сияние вечное, а не преходящее как день. Именно поэтому он всегда обращается к свету, ибо свет исходит от бога, а все то, что божественно вечно и, само собою, возвышенно.

Постулатом первых трех глав «Гимны к ночи» Новалиса является свет как начало бытия, а ночь как мистическое недро. Одним взглядом поэт противопоставляет дневной свет и ночь, хотя анализ текста показывает, что текучесть дня и бесконечность ночи создают одно целое. К.Брегадзе процесс эстетизации дня и ночи представляет так: «Во втором гимне дано диалектическое сопоставление поэтических символов дня и ночи. Дневной свет олицетворяет временность, текучесть, конечную эмпирическую действительность, а ночь символ бесконечности, вечности и божественной трансцендентности, где не существуют и упраздняются временно-пространственные категории. Имея в виду постулаты романтизма Новалиса, символику дня и ночи должны осмыслить как диалектическую целостность, а не как противоположные измерения» [7. С. 87].

Как уже было отмечено, мировоззрение Байрона, Бараташвили и Новалиса совпадают, однако отличаются пути постижения действительности. Если у Бараташвили красота олицетворяет временность и текучесть, у Новалиса дневной свет-средство упования земной красотой, символ текучести, а ночь явление вечное и возвышенное овеянное мистическим покровом, а мистическое само собою создает ощущение недостижимости, именно это и вызывает переживание возвышенности.

Одна из глав «Гимнов к ночи» посвящается мистерии распятия и воскрешения Христа. Здесь фактически противопоставлены жизнь и смерть, а попирание смерти смертью и придание вечной жизни-это божественный замысел, а « божественные замыслы и деяния достигают вечности, бесконечны и не обладают временем» [8. С. 19]. Поэт в гимны вносит эсхатологический мотив. Именно на фоне мистерии этого распятия и воскрешения Новалис передает как из эмпирической конечной жизни мир переносится в вечную жизнь, в бессмертии, как происходит преодоление смертью текучести мира и как замещает преходящую красоту вечно возвышенная смерть. «Новалис в последнем гимне возвеличивает смерть, как символ новой онтологической перспективы, как недро неизбежных мистических изменений, после прохождения которых субъект утверждает в трансцендентной действительности» [7. С. 95].

Поэзия Новалиса и Бараташвили несколько отличаются по способам постижения объективно существующего мира и по восприятию реальности. В процессе эстетизации мира Бараташвили не теряет способность восприятия реальности и не отрицает объективную действительность. Он не погружается в мистику после смертной вечной жизни и признает прекрасность и неизбежность преходящего мира (« К моим друзьям»). А экзистенциализм Новалиса полностью управляется приобщением с вечностью, т.е. с попиранием смерти смертью и в этом видит возвышенность мира: «Ты улетучился бы в себе самом, истощился бы ты в бесконечном пространстве, когда бы она не пленила тебя, сжимая в объятиях, чтобы ты согрелся и , пламеня, зачал мир» [9].

Подобный принцип восприятия мира имеет место и в творчестве Бараташвили и Байрона. Несмотря на то, что средством преодоления текучести мира Байрон также считает смерть и переход в иное безвременное пространство, для него земная жизнь такая же необходимая действительность:

Быть рыцарем удел избранных рода людского.

Свободе ни к чему слепые саманы,

И если удастся спастись от смерти

Вер ожидают лавры, слава, восклицания и фанфары [10. С. 84].

Правда, жизнь и участь Байрона и Бараташвили очень похожи друг на друга, но отличаются их эстетические воззрения. К.Цурцумия пишет: «Байрон и Бараташвили! Оба поэты универсального ума, полны сил и энергии. Бараташвили со своими божественными диалогами более «поэт небес», а Байрон по своей сути «гражданин мира». Бараташвили больше волнует своей одинокой душой, а Байрон удивляет своим необыкновенным темпераментом и аристократическим упрямством» [11.С. 197].

Эстетика творчества Байрона не является противопоставлением красоты и прекрасности и не показывает развития принципов эстетики на фоне преходящего и вечного. В его творчестве скрыто читается та величавость, исходящая с небес прекрасность, которую эстетики называют возвышенной. Анализ творчества Байрона показывает, что его цель не романтизация

мира, т.е. представление не реально существующего и его объективация в реальной действительности, а выход из существующего мира и перемещение в другое пространство:

И если в том мире в далеком небе

Нас одолеет любовь

Там мы изопьем живую воду,

Там душа с душою сливается на веки вечные [10. С. 63]

В творчестве Байрона редко, но встречаются мистические постулаты. Его эстетика построена на таске временного мира, на переживании суеты. Для Байрона смерть начало новой жизни (также как для Новалиса), его творческий путь это постоянный процесс поиска как и для Бараташвили. Они находятся «в процессе поиска бога» [12. С. 93]. Именно этот процесс поиска и есть возвышенное, ибо Байрон думает над вопросом : быть или не быть человеку, над вопросом появления человека на этот свет и о его назначения. Поэзия Байрона в основном эмпирическая. Думы поэта выходят за пределы земных сует и переходят в бесконечное пространство. Думы Байрона устремлены к возвышенному: «И если в этом мире нашей любви не повезет, Верю встретимся, когда небеса позовут меня» [10. С. 35]. В этом мире все преходящее, поэтому для Байрона неприемлема временная красота, его душа постоянно стремится к трансцендентным явлениям, т. е. к тому что превосходит всякого естественного и осязаемого мира. В творчестве Байрона осознание эстетики возвышенного начинается с размышления о перемещении в другое пространство, видения далеких небес, что уже является поэтическим взглядом и главным ориентиром творчества Байрона.

Суммируя все вышесказанное, можно сказать, что цель всех троих творцов это романтизировать существующих в реальности предметов и явлений, т.е. присвоить им вечное существование; овеять мистическим покровом, придать существующему в мире прекрасному чувство возвышенного. Однако у них различаются пути достижения этого идеала: «романтизации мира», что, прежде всего, вытекает из собственного «Я» данных поэтов, а затем и из ряда внешних факторов: как, например, личная трагедия, национальная самобытность и т.д.

Список литературы / References

1. ბოჭორიშვილი ა. კანტის ესთეტიკა [Бочоришвили А. Эстетика Канта]. თბ., 1967 (на грузинском языке).
2. სირაძე რ. სახისმეტყველება [Сирадзе Р. Образы]. თბ., 1988 (на грузинском языке).
3. Прекрасное и возвышенное. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.xserver.ru/user/privs/> (дата обращения: 16.08.2018).
4. ბარათაშვილი ნ. ქართული პოეზია [Бараташвили Н. Грузинская поэзия]. თბ., 197. (на грузинском языке).
5. სირაძე რ. ლიტერატურულ-ესთეტიკური ნარკვევები [Сирадзе Р. Литературно-эстетические очерки]. თბ., 1987 (на грузинском языке).
6. კანტი ი. წმინდა გონების კრიტიკა [Кант И. Критика чистого разума]. თბ., 1979 (на грузинском языке).
7. ბრეგაძე კ. გერმანული რომანტიზმი. ჰერმენევტიკული ცდა [Брегадзе К. Немецкий романтизм]. თბ., 2012 (на грузинском языке).
8. სულავა ნ. ქართული ჰიმნოგრაფია, ტრადიცია და პოეტიკა [Сулава Н. Грузинская гимнография, традиция и поэтика]. თბ., 2006. (на грузинском языке).
9. Новалис (Харденберг Фридрих). Гимны к ночи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/novalis_hardenberg/gimni_k_nochi.html#0/ (дата обращения: 16.08.2018).
10. მერაბიშვილი ი. ბაირონი ქართულად [Мерабишвили И. Байрон по-грузински]. თბ., 2002 (на грузинском языке).
11. წურჭუმია კ. ჯორჯ ბაირონი და ნიკოლოზ ბარათაშვილი. (ტიპოლოგიური ანალიზი) [Цурцумия К. Джордж Байрон и Николоз Бараташвили. (типологический анализ)]. ივერიონი. თბ., 2008. №1. (С. 107-110). (на грузинском языке).
12. მორგოშია ი. ბარათაშვილი და ბაირონი (რწმენა და რომანტიზმი). კულტურათათმორისი კომუნიკაციები [Моргошия И. Бараташвили и Байрон (вера и романтизм), межкультурные коммуникации]. თბ., 2007 (на грузинском языке).